

Русская мысль - Осип Мандельштам в Крыму
 Париж - 1996 - летом 1916 года
 25 апр. - Известное письмо Юлии Оболенской
 с 13.

Публикуемый отрывок взят из письма художницы Юлии Оболенской к подруге, соученице по студии Л.Бакста Марии Нахман. Письмо датировано 2 августа 1916 года — в это время Оболенская гостила в Коктебеле у Максимилиана Волошина.

Этим же летом в гостеприимном доме Волошина жил и Осип Мандельштам (подробнее о его пребывании в Коктебеле см.: В.Купченко. Осип Мандельштам в Киммерии. — “Вопросы литературы”, 1987, №7).

На поэтическом вечере, состоявшемся в Феодосии в июле 1916 года и описанном Оболенской, кроме Волошина и Мандельштама, выступали Владислав Ходасевич и актер МХТ Николай Массалитин.

Мать Мандельштама Флора Осиповна умерла 26 июля 1916 года. Осип и его младшие братья Александр и Евгений выехали из Коктебеля 25 июля.

Отрывок из письма Ю.Оболенской к М.Нахман публикуется впервые по автографу,

хранящемуся в РГАЛИ (ф.2080, оп.1, ед.хр.7). Незначительные сокращения, касающиеся мест, не связанных с Мандельштамом, специально не отмечаются.

О.Мандельштам. 1914.

Везли нас в Феодосию на катерах и автомобилях, а нам с М<аксимилианом> Ал<ександровичем> и Мандельштамом достался автобус. Каждую минуту останавливались и долго бессмысленно шипели. Наконец сломались, растеряв тормоза, и были подобраны переполненным артистами автомобилем. Макса поставили на подножку, а я сидела над рулем на одной ноге, да и той мандельштамовой. В Феодосии мы с Мандельштамом носились в поисках парикмахера. Он нанял извозчика и останавливал всех проходивших мужиков, спрашивая, где дамский зал.

Наконец измученную, меня провели через какой-то увешан-

ный бельем дворик — по-моему, в прачечную, где растрепанная баба схватила пloyку вместо щипцов и принялась завивать меня перед мутным осколком зеркала мелким барашком. Гребень был из 5 зубов.

Мандельштам пришел и ахнул; упал духом. “Теперь я знаю, кто «они», перед ними читать придется”. Мандельштама действительно освистали — 3 раза повторил одно место под хохот публики. “Я с ними проходил 3 раза за то, что было непонятно”, — говорил он. Макс имел большой успех, а Ходасевичу и Массалитинову, на бис читавшему Пушкина, кричали: “Довольно Мандельштамов!”

После концерта был ужин в саду, и домой вернулись автомобилем на рассвете. Много было всяких курьезов.

Теперь Мандельштамы уехали: их вызвали: умерла их мать. Младшие братья славные мальчишки, а О<сип> Э<милевич> замечательный поэт. Его чтение — последняя степень искренности — это танец каждого слова, в каждом слове участвует он всем своим ртом. Это тело совсем хрупкая глиняная оболочка, существующая только для того, чтобы внутренний огонь был чем-нибудь сдержан, “в кувшинах спрятанный огонь”.

Публикация
и вступительная заметка
ОЛЕГА ЛЕКМАНОВА

Москва